

*Публикация
Михаила Талалая*

| Эссад Бей

БЕЛАЯ РОССИЯ

| Народ без отечества

Эссад Бей Белая Россия. Народ без отечества

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56557268
ISBN 9785005110893*

Аннотация

Опубликованная в Берлине в 1932 г. книга, – одна из первых попыток представить историю и будущность белой эмиграции. Ее автор – Эссад Бей, загадочный восточный писатель, публиковавший в 1920-1930-е гг. по всей Европе множество популярных книг. В действительности это был Лев Абрамович Нуссимбаум (1905—1942), выросший в Баку и бежавший после революции в Германию. После прихода к власти Гитлера ему пришлось опять бежать: сначала в Австрию, затем в Италию, где он и скончался.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Четыре тысячи против десяти миллионов	23
Глава II. Ледовый поход	30
Глава III. Наемники и певцы	37
Глава IV. Его сиятельство гетман, бухгалтер Петлюра и батька Махно	46
Глава V. Белое действие	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Белая Россия. Народ без отечества

Эссад Бей

Переводчик Михаил Талалай

Дизайнер обложки Александра Щипкова

© Эссад Бей, 2020

© Михаил Талалай, перевод, 2020

© Александра Щипкова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1089-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Одно из экзотических достопримечательностей великолепного итальянского курорта Позитано – «арабское», как его упорно называли местные жители, надгробие жившего тут и скончавшегося в 1942 г. писателя Эссад Бея. Сам по себе исламский тюрбан над Тирренским морем вызывает любопытство. Еще больше вопросов возникают при знакомстве с судьбой Эссад Бея, одного из самых загадочных европейских литераторов прошлого века. Дискуссии вокруг его имени разгорелись недавно в связи с планетарным успехом книги «Али и Нино», переведенной на полсотни языков и вышедшей миллионными тиражами. Может, преувеличенно, но этот роман называли кавказским «Доктором Живаго».

*Надгробие Эссад Бей в Позитано
на Амальфитанском побережье*

Книга опубликована в 1937 г. в Вене на немецком под псевдонимом Курбан Саид, и Эссад Бей, вне сомнения, был к ней причастен. Идут нескончаемые жаркие споры – в какой

степени: можно ли поставить знак равенства, как это сделано на мемориальной доске в Берлине, водруженной на доме, где жил Эссад Бей? Или же он, быть может, с сообщниками, умело воспользовался чужой рукописью? Перескажем ниже эту увлекательную полемику, а пока раскроем настоящее имя Эссад Бея – Лев Абрамович Нуссимбаум (Нусенбаум).

После колоссального успеха «Али и Нино» вышла внушительная биография писателя «Ориенталист» (русс. изд. 2012 г.), написанная американским журналистом Томом Рейсом (иногда фамилию передают по-русски как Риис). В увлекательной форме он описывает, как увлекся судьбой Эссад Бея, когда побывал в Баку в 1990-е годы и услышал там о книге. Местные жители рассказывали о ней с восхищением: представления о дореволюционном Азербайджане и Кавказе у молодых бакинцев, которых повстречал Рейс, основывались именно на этой книге. Рейс посвятил несколько лет разысканиям об Эссад Бее – нашел неопубликованные его записки и письма, повстречал людей, с ним связанных. Роман «Али и Нино» получил дальнейшую известность, когда в 2016 г. его экранизировали англичане, в голливудском стиле. В Батуми, в Грузии (героиня романа Нино, она же Нина, – грузинка) установили композицию «Али и Нино» – две гигантские движущиеся фигуры, которая стала местным символом.

Свою короткую жизнь Эссад Бей провел преимущественно

но в Берлине, писал на немецком, поэтому именно в Германии в последние годы образовался целый круг исследователей, занимающихся его биографией и творчеством. Существует специальный интернет-сайт (www.essadbey.de), где выкладываются документы, сертификаты, письма, полицейские записки и прочее. В том же Берлине возникла музыкальная группа, трио, которая выпустила диск «Who was Essad Bey?». Для оформления диска музыканты использовали фотографию, которую поместил и Том Рейс на обложки своей книги – улыбающийся Эссад Бей, в феске, сидящий в огромном кресле-диване. Ироничное трио остроумно назвало себя «Дезориенталисты» (напомним, что роман Рейса называется «Ориенталист»).

Эссад Бей в Берлине в конце 1920-х гг.

Литератор себя позиционировал в Германии как восточный, преимущественно арабский князь: его благородство шло якобы из Османской империи. Иногда турецкую родину литератор видоизменял на Иран или Грузию. Однако в 2000-е гг. обнаружилось точные данные о его рождении. Лев родился не на Кавказе, как утверждал, а в Киеве (в 1905 г.), и с ним совершили обряд обрезания в местной синагоге – что утверждали его враги еще при жизни писа-

теля. Почему же писатель скрывал это? Киевская синагога полностью разрушала легенду об оттоманском принце. Если Баку еще можно было вписать в турецкий ареал, то украинская столица совсем не годилась для этого образа. Сертификат из Киева свидетельствовал об истинном положении вещей: Эссад Бей был сыном нефтяного дельца, с гешефтом в разных городах Российской империи и с говорящим именем Абрам Лейбусович Нусенбаум (или Нуссенбаум, а позднее стало писаться Нуссимбаум и Нусимбаум).

Впрочем, рождение в Киеве – случайное обстоятельство, потому что вырос Лев, действительно, в Баку, где попытался укорениться отец, и эти детские воспоминания о великолепном, богатом городе той поры (естественно, в детских воспоминаниях Каспий приобретает еще более яркие, живописные черты) в итоге и дали ему главный источник творческого вдохновения – он навсегда полюбил Восток, Турцию, Кавказ. Сказалась и ностальгия. Любовь к Востоку усилилась в покорившем его Константинополе, когда он с отцом (мать, Берта, иначе Бася, Давидовна, урожд. Слуцкая, покончила самоубийством, когда Лёва был маленьким) бежал из «красного Баку». Попав в итоге в Берлин, он стал магометанином: в молельне при турецком посольстве в 1923 г. он принимает ислам и меняет имя – из Льва Абрамовича Нуссимбаума становится Эссад Беем, иногда добавляя впереди еще и «Мохамед», в честь Пророка. Говорить, что он взял себе псевдоним – неправильно: на самом деле это ту-

рецкий вариант его собственного имени: «Эссад» по-турецки означает «лев»; «бей» – благородная приставка. После русской гимназии (он учился вместе с сестрами В. Набокова и Б. Пастернака), не окончив ее, он записывается – как грузин – в университет на факультет восточных языков, где изучает турецкий и арабский. Так юноша прощается со своим российско-еврейским прошлым и становится турецким «беем», пусть и с нансеновским паспортом. Из университета его, впрочем, исключают, обнаружив отсутствие законченного среднего образования.

Но Эссад Бей уже вступает на новую стезю – литератора, сумев установить плодотворное сотрудничество с популярным берлинским журналом «Литературный мир». Он изобретает себе антураж, надевает восточные костюмы, чалму, пишет – очень много – в основном, о Востоке, но не только. Выходит его книги «Нефть и кровь на Кавказе» (начальная), «Двенадцать секретов Кавказа», разные биографии, монография о ГПУ. Он как первопроходец пишет биографии Сталина (представляясь грузином), Ленина и Николая II (представляясь русским турком). Враги изобличают его в ошибках и фантазиях, но публика читает его бойкую, ироничную прозу с упоением. За восемь лет он публикует 16 книг.

Пишет он исключительно на немецком языке, которым владел с детства, т.к. его любимой няней была русская немка из Литвы, Алиса Шлютте. Ее вывез отец из революционной

России, и сам писатель свою няню преданно с собой брал во все свои скитания, включая последний свой этап жизни в Италии (там думали, что этого его замаскированная мать).

Эссад Бей становится одним из культовых персонажей веймарской Германии. Он много проводит времени в берлинских кафе с местной богемой, которая доверчиво воспринимала его как человека Востока; он презентует собственные книги, выступает с лекциями в разных городах Европы. В Берлине в 1932 г. он женится на Эрике Лёвендаль, немецкой еврейке, которая себя позиционирует как поэтесса из Богемии (некоторые основания на это у нее были, т.к. ее отец имел в Праге обувную фабрику, и кроме того, являлся консулом Чехословакии в Берлине). Молодая жена предлагает супругу сделать карьеру в Америке – в особенности на этом настаивает его тесть-капиталист: Лёвендалю нравится американский стиль жизни. Новые родственники увозят Эссад Бея в Америку. Ему же там не по себе, он киснет, впадает в депрессию, пишет мало, и молодая чета возвращается в Европу.

Однако через два года после свадьбы брак расстраивается. Эрика бросает Льва: разразился скандал в прессе – «богемская поэтесса» публично заявляет, что «мой арабский принц оказался банальным Нуссимбаумом».

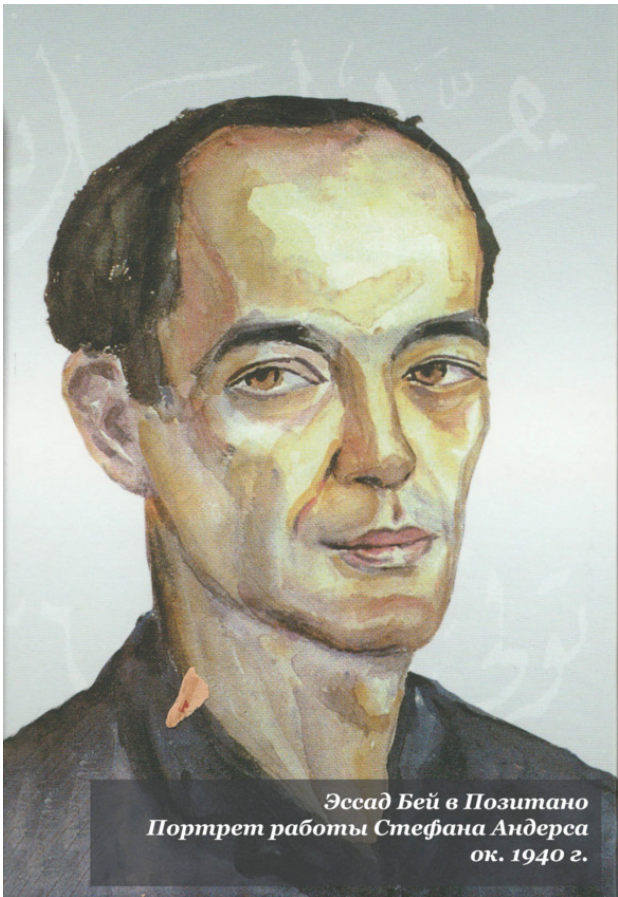
Для Эссад Бея наступают тяжелые времена, у власти в Германии – нацисты и, несмотря на то, что он мусульманин, туркофил, пишет о Востоке, немцам хорошо известно

его происхождение. В Германии в 1935 г. он был исключен из Союза писателей (без объяснения очевидных причин), что автоматически лишало его права там публиковаться. Писатель переезжает в Австрию, которая до аншлюса была местом прибежища как немцев-антинацистов, так и немецких евреев. В Вене тогда образуется целое сообщество беженцев-литераторов, и именно в тот момент, в 1937 г., там и выходит ставший знаменитым роман «Али и Нино». Однако и в Австрии после аншлюсса возобладали нацисты и Эссад Бей снова бежит, в 1938 г., в свой последний приют – в Италию. Отец, Абрам Лейбович Нуссимбаум, из Германии не сумел выбраться и в 1941 г. гибнет в концлагере – но сын об этом уже не узнает.

Италия привлекала Эссад Бея также и фигурой Дуче: ярый антикоммунист, он полагал фашизм возможным щитом против большевистской угрозы. Он надеялся написать панегирическую биографию Дуче, однако тот, вслед за Гитлером, принял расистскую идеологию и законы: итальянской полиции было известно еврейское происхождение Эссад Бея и его попытки попасть на прием к Муссолини заблокированы. Самые последние годы он провел на Юге Италии, в Позитано, в нищете, под постоянной угрозой высылки в какую-нибудь глушь как нежелательный иностранец (край считался стратегической зоной) или, более того, – депортации в концлагерь как еврей. Он, как и другие эмигранты в той же ситуации, пользовался помощью знакомых медиков, пери-

одически предоставляя справки о болезни (и разного рода немыслимые бумаги, в том числе американский affidavit). Однако в его случае заболевание было настоящим, и очень тяжелым: в 1942 г. литератор скончался от синдрома Рейно.

Ему было 36 лет. В метриках местного муниципалитета после его кончины появилась запись: «американский гражданин арийской расы» – небывалый пример посмертной мистификации. На кладбище Позитано над его могилой появилось традиционное мусульманское надгробие, что породило в среде местных жителей мнение, что покойный был арабом... В иерусалимском же мемориале «Яд Вашем» его имя вписали в список жертв Холокоста (с чем многие не соглашались).

*Эссад Бей в Позитано
Портрет работы Стефана Андерса
ок. 1940 г.*

...Известность Льва Нуссимбаума сегодня выросла из-за горячей дискуссии об авторстве романа «Али и Нино» между разными исследователями – немецкими, итальянскими,

американскими, азербайджанскими.

Книга, в самом деле, вышла под абсолютно новым псевдонимом – Курбан Саид. Договор на нее однако был подписан между издательством и некой баронессой Эльфридой Эренфельс фон Бодмехерсхоф, знакомой Эссад Бея (и родственники баронессы считают автором книги ее). Одновременно стиль Курбан Саида резко отличается от всего того, что прежде писал Эссад Бей. У последнего – легкое, язвительное перо, а «Али и Нино» это высоко-романтическая книга о трогательной любви азербайджанского мусульманина и грузинской христианки, подобной которой ни в каких текстах у Эссад Бея не встречается. Но нельзя исключить, что он сумел талантливо переменить регистр...

Азербайджанская партия продвигает версию, согласно которой основной текст принадлежит литератору-бакинцу Юсифу Чеменземенли и Эссад Бей слегка приложил к нему руку. Чеменземенли бежал из Баку после революции, жил во Франции, писал, что-то публиковал, что-то нет, потом вернулся на родину и погиб в сталинских лагерях. Сторонники этой версии, а теперь это официальная позиция в Баку, полагают, что то ли сам Эссад Бей, то ли вместе с Эльфридой Эренфельс фон Бодмехерсхоф воспользовались неопубликованной рукописью, которую оставил Чеменземенли, когда жил в Европе. Том Рейс, похоже, сроднившийся с героем своей книги, непреклонно защищая свой тезис о тождестве Эссад Бея и Курбан Саида, стал персоной нон-грата в Азер-

байджане. Загадка псевдонима Курбан Саид, вероятно, так и останется нерешенной...

Если же вернуться к книге «Белая Россия», то с ее авторством проблем нет: ее написал Лев Нуссимбаум. Она вышла под его писательским именем – Эссад Бей; в ней присутствуют и его биографические вехи.

Книга стала одной из первых попыток дать некий общий портрет Русского Зарубежья. Автор одним из первых употребил такие термины как «государство вне государства», пояснив его «закрытый тип» и описав различные структуры. В целом, это связное повествование об истории белой эмиграции: ей как «государству» тогда исполнилось в 1932 г. всего лишь двенадцать лет, но она имела три миллиона подданных (цифра согласуется и с современными данными). Эссад Бей подробно описал зарождение Белого движения, судьбу Корнилова, реконструировав в главе «Ледовый поход» эту эпическую страницу. Особый сюжет – Галлиполийский лагерь, восхитивший автора выдержкой беженцев. В главе «Армия в изгнании» автор рассказывает о деятельности Российского Воинского Союза и его филиалов по всей Европе, о готовности белогвардейцев к продолжению Гражданской войны. Очерчены политические партии, монархическое и прочие движения; в главе «Внутренняя борьба» описывается убийства Набокова и Петлюры.

Автора интересовали все аспекты Белой России. Для него, несмотря на его увлечение Кавказом и Турцией, она оста-

ся неким эстетическим идеалом, и именно в эстетических категориях он преподносит последнее царствование. В главе «Наемники и певцы», посвященной казакам, он, с одной стороны, он восхищается казаками, восхищается их преданностью «Белому царю», их удалью; с другой стороны, еврейское происхождение настраивает его на критическую волну. Этот очерк Эссад Бея первоначально появился на немецком в берлинской прессе и был отслежен казаками-эмигрантами. Существовал их журнал «Вольное казачество», где они, не вступая в полемику, процитировали ряд пассажей Эссад Бея, которые показывали его достаточно отдаленное знание казачьих реалий. Как ни удивительно, казаки даже не догадались, что очерк был написан их соотечественником. Меланхолично рецензент в конце писал, что когда же, мол, мы сами, казаки, будем писать о нас самих, и доколе некие иностранцы будут излагать несуразные вещи.

Представлены яркие отдельные биографии, здесь автор был ассом. Среди любопытных персонажей – Арон Симанович, секретарь Распутина, еврей, которому помогал Распутин и который затем бежал во Францию и там оказался под следствием, потому что подделывал советские денежные знаки, как он утверждал, гибели Советов ради. Автора, конечно, интересовали и первые невозвращенцы: есть отдельная глава о советском советнике во Франции Григории Беседовском, который сбежал со своего поста в 1929 г. Изложена одна любовная история не без восточных преувеличе-

ний: Георгий Агабеков, агент НКВД в Константинополе, согласно Эссад Бейю, влюбившись в англичанку, решил бежать из Совдепии (был казнен советскими агентами в 1937 г.). Есть сюжет об исходе немцев из Советской России: здесь автор описывает лично увиденные им опустевшие немецкие села на Кавказе. В эпоху Российской империи переселенцы из Германии имели возможность жить и на Кавказе, устроя там свои селения с кирхами, со своими производствами. Естественно, все это разрушилось во время Гражданской войны, а затем было окончательно ликвидировано.

Есть одна глава, которую сейчас можно назвать «гендерной» – «Эмигрантские жены». Отдельная глава посвящена нашумевшему тогда казусу с самозванкой Анастасией. Другой очерк – «Борьба против СССР»: Белая Россия посылает свои отряды на советскую территорию (нашумевший случай с Савенковым, хотя он анализирует не только это, но и другие попытки возобновления Гражданской войны на советской территории).

Жанры меняются, перемешивается ностальгия с эпосом, не без иронии: Эссад Бей принадлежит к другому поколению и эмигрантские зубры у него зачастую вызывают саркастическое отношение. Последняя глава «Белой России» – размышления автора о ее будущем. Каково же будущее страны, которой всего лишь двенадцать лет? Он приходит к заключению, что то поколение, которое живет в Советском Союзе, и нынешнее поколение Белой России никогда между со-

бой не договорятся – слишком велика ненависть между этими двумя Россиями, но, предрекает он, договорятся их дети, которые будут изъясняться ни на языке коммунистов, ни на языке белогвардейцев. Эти дети ощутят себя как представители евроазиатской нации, они начнут сотрудничать, ощутят свое величие и будут за него бороться...

Эссад Бей писал книгу для немецкого читателя: в русской культуре она осталась неизвестной. Да, и в Германии ее не успели толком прочесть: спустя полтора года после выхода ее сожгли на символическом костре, изъяли из книжных лавок и библиотек. Автор, в тот момент бывший в Америке, публично сетовал, что тупые немецкие власти не разобрались с антикоммунистическим пафосом книги, посчитав ее прославянской пропагандой. О ней вспомнили в Восточной Германии после падения берлинской стены: теперь ее антисоветизм оказался востребованным и в 1991 г. книгу переиздали в Лейпциге.

По нашему мнению, из произведений Эссад Бея на историко-политические темы сейчас только «Белая Россия» имеет значение, будучи ярко выраженным и хорошо документированным свидетельством талантливого очевидца, сопричастного к «государству беженцев».

DAS
WEISSE RUSSLAND
MENSCHEN OHNE HEIMAT

VON

ESSAD BEY

BERLIN 1932

GUSTAV KIEPENHEUER VERLAG

Титульная страница берлинского издания

Перевод осуществлялся преимущественно по итальянской версии книги «L'armata bianca» (Milano, 1933), но сверялся с оригиналом – «Das weiße Rußland. Menschen ohne

Heimat» (Berlin, 1932). Заметим, что в 2005 г. Баку была сделана попытка ее перевода на русский (издательство «Нурлан»; переводчик не указан): ее автором обозначен Мухаммед Асад-бек (азербайджанское написание имени Эсад Бей). Однако этот текст, без каких-либо комментариев, изобилует столькими ошибками и неточностями, что просто не «читабылен».

Своими ценными консультациями помощь оказали Ильгам Аббасов (Баку), Андрей Барановский и Ольга Никандрова (Петербург), Сюзанна Браммерло (Гамбург), Андрей Мановцев (Москва).

*Михаил Талалай,
март 2020 г.,
Милан*

Глава I. Четыре тысячи против десяти миллионов

Молодой офицер-казак, из российского Генштаба, был однажды в Туркестан, овладел там восточными языками, отрастил усы на китайский манер и в одежде проводника каравана пересек горы, леса и степи Афганистана, Индии и Восточного Туркестана.

Он зарисовывал все требуемые Генштабом планы, ночевал у костров кочевников, молился в мечетях, а его раскосые глаза запечатлевали холмы, тропинки и ущелья, по которым царская армия в один прекрасный день должна была вторгнуться в Индию.

Однако царская армия так и не показалась у врат Индии. На перевале Кабир по-прежнему живут потомки афригидов¹, под покровительством англичан. Напротив, вспыхнула Мировая война, и раскосые глаза казака, загоревшего на солнце и дослужившегося до генерала, увидели бесчисленные казачьи атаки в составе царских полков.

Лавр Георгиевич Корнилов, генерал от инфантерии, низкого роста, смуглолицый, с черными волосами, расчесанными на прямой пробор, с развитыми скулами, с редкими вис-

¹ Династия царей древнего и раннесредневекового Хорезма (IV—X вв.). Ведет начало от Африга.

лыми усами, побывал на всех фронтах в окружении личной охраны всадников из дикого Туркестана: он образцово выполнял свой долг, говоря как на родном языке, так и на языке пустынь – со своими конниками-текинцами.

Потом началась революция, распад армии и метеорическая слава адвоката Керенского. После ряда ложных шагов и разочарований Керенский назначил Корнилова главнокомандующим десятиmillionным войском.

Это была роковая ошибка адвоката-социалиста. Генерал с Востока решил прибрать к своим рукам бразды правления. Путь к власти ему преграждали социалисты, Керенский и Советы. Власть же для Корнилова означала продолжение войны, возобновление дисциплины, конец революции и установление воинского порядка над всей гигантской империей. Дабы добиться этого, Корнилов привлек к себе «дикую дивизию» из туземных казаков, несколько сотен отборных офицеров и георгиевских кавалеров.

С этими отрядами одним сумрачным июльским утром 1917 года² Корнилов оставил свой Генштаб в Могилеве ради захвата Петербурга, изгнания из него социалистов и восстановления порядка.

Официальная карьера главнокомандующего завершилась под Петербургом возле Сусанино. Против кавказских пол-

² Корнилов высказал свои идеи по наведению порядка в России 25 июля (ст. ст.), однако выступление его войска на Петроград («Корниловский мятеж») началось 25 августа (ст. ст.).

ков и батальона георгиевских кавалеров Керенский выслал объединенные силы молодой революции – матросов, вооруженных рабочих и интеллигентов. А также последнее средство; делегацию из кавказских священников и князей, которые должны были тет-а-тет убедить земляков не губить недавно обретенную свободу³ ради Корнилова.

Умение кавказских мудрецов убеждать, а также «объединенные силы молодой революции» на этот раз оказались более удачливыми. Революция восторжествовала, и у врат Петербурга прервалась карьера Корнилова. Так завершился и идиллический период русской революции!

Этой победой Керенский разбил самого себя. Большевики-победители, которых он сам подтолкнул к действию, почувствовали свою мощь.

Главнокомандующий десятиmillionной армии был арестован. Но очень скоро матросы, вооруженные рабочие и даже кавказская делегация отвернулись от Керенского. Министр-председатель, военный и морской министр демократической России, переодевшись медсестрой, бежал из Гатчинского дворца. Правительство до последнего защищали женщины в форме – знаменитый женский батальон. Бежал и генерал Корнилов, пусть и не в женском платье, и не под охраной вооруженных барышень. Ночью его вызво-

³ В момент Корниловского выступления в Петрограде проходил съезд лидеров мусульманских общин, которые направились в Туземную дивизию «корниловцев» и в течение часа с ней общались: после этого кавказцы решили не воевать.

лили из тюрьмы конники-текинцы. На низкорослой турецкой лошадке, под защитой телохранителей он удалился от блестящего имперского Петербурга, охваченного убийствами и грабежами, а также затопленной кровью Москвы и от большевиков, выползших из подполья и устроивших генштаб за толстыми кремлевскими стенами.

Корнилов бежал на Юг, в Донскую область, в тихие казачьи станицы родного края. Старая Россия пребывала в хаосе. Большевики командовали в больших городах, селах, промышленных центрах. Для генерала они принадлежали, согласно выражению Троцкого, к четвертому измерению. Промышленники, писатели, офицеры, ученые, вся элита старой России, одним словом, вся буржуазия покинула территорию «Брест-Литовских предателей», оставив на произвол судьбы роскошные виллы, особняки, банки, заводы, полки, университеты. Сбежав на Юг, в край вольных казаков, на тихие берега Дона, в древнее русское Эльдorado мужиков и казаков.

Здесь, на тихом Доне, среди казачьих станиц, в благородном воинственном краю и возникла «Белая Россия». Ее отцом стал казачий генерал, бывший главнокомандующий русской армии Лавр Корнилов: однажды он объявился тут со своим отрядом текинцев.

Однако Дон уже переставал быть тихим.

Правда, казаки пока еще ничего не хотели знать о большевиках. Правда и то, что в столице донского казачества Новочеркасске все еще командовал атаман «Всевеликого Дон-

ского войска». Но казачьи города, Ростов и Новочеркасск, наводнились, кроме разношерстной солдатни, беглыми придворными дамами, странствующими школярами, безработными генералами и редакторами главных петербургских газет. Все это не было по нраву казакам.

В деревнях, где прежде господствовали царь, атаман и старейшины, внезапно объявились молодые люди, которые, в присутствии отцов с крестами на груди, критиковали незваных гостей с Севера и военных шишек, заявляя, что загадочные северные Советы и вправду являются истинными и единственными защитниками казачьей воли. Десяти-миллионная мятежная армия хаотично рассеивалась по всей империи – та самая армия, которую призвал на войну царь и которая теперь, частично, отдавала себя в распоряжение новому правительству РСФСР, со своей сомнительной дисциплиной и проблематичным энтузиазмом.

Вольная зона на Дону все сжималась. В станицах казаки издевались над солдатами-беженцами, не шевеля и пальцем для них. Офицеры разных войск слонялись по улицам, страшась большевиков и видя в казаках им ниспосланных Богом спасителей Святой Руси.

Генерал расположил свой штаб сначала в Новочеркасске, а затем в Ростове, в самом большом казачьем городе. Вселившись в роскошный особняк Парамонова, он выставил охрану текинцев, собрав вокруг себя горстку беженцев, разделявших его идеи. Так в конце 1917 года в особняке купца Пара-

монова зародилась «Белая Россия»⁴.

Хотя у Корнилова было немного генералов, однако каждый из них имел в России достаточно сторонников. Вскоре во все уголки страны разнесся их призыв к боевым товарищам создать добровольческую, антибольшевистскую армию. Правительство Дона и оставшийся верным царю атаман генерал Краснов помогли зародившемуся движению. Во всех донских станицах развесили прокламации Корнилова. Всех офицеров-беженцев призвали вступить в Белую Армию. Внезапно возникли и казаки, пожелавшие создать свои полки. Офицеры вынуждены были стать в строй рядовыми, а над ними были лучшие полководцы: Романовский, Алексеев, Деникин.

Генералы ораторствовали, казаки клялись умереть ради свободы. Любой желавший мог собрать отряд. Все поклялись захватить Москву в кратчайшее время. Казачий офицер Греков, по прозвищу Белый дьявол⁵, собрал из наемников отряд и тут же предался грабежам. Раскосые глаза генерала Корнилова, первым увлеченным «белой идеей», блистали особо в этом хаосе. Месяцами шла агитация Корнилова и его генералов. А в то время все сужалось кольцо вокруг Дона.

Со временем и казаки охладели к делу, и в момент, ко-

⁴ Особняк Н. Е. Парамонова, построенный в 1914 г., сохранился. В настоящее время в нем располагается университетская библиотека.

⁵ Кубанский сотник, прозвище получил как альбинос (возможно, пошел из-за болезни). За грабежи судим самими белыми. Расстрелян в апреле 1920 г. в Екатеринодаре по приговору ЧК.

гда Белая Россия должна была перейти к действию, выяснилось, что против разложившейся десятиmillionной армии Святая Русь царя, священников и генералов может выставить лишь четыре тысячи воинов. Возвания генералов, клятвы казаков, молитвы попов, вековая традиция верности династии, дисциплина и долг, – все это составило только четыре тысячи, при десятках тысяч офицеров-беженцев. Все более сжималось кольцо Красной армии, все отчаянней становились призывы Корнилова.

Наконец, генерал собрал свое войско. В это время большевики уже были на подступах к Ростову, и Корнилову вместе с войском Белой России пришлось оставить казачий город, пробиваясь в сторону степей и пустынь.

Глава II. Ледовый поход

Четыре тысячи воинов шли по степи, а против них было десять миллионов: демобилизованные солдаты, крестьяне, рабочие, большевики. Четыре тысячи приняли бой. Они шли по унылым ледяным степям Дона. Враг шел по пятам. Впереди, в окружении диких текинцев, скакал Корнилов, а за ним катилась пестрая масса из разных мундиров, языков и рас. В один момент им повстречался отряд китайцев во главе с сибирским казаком. Никто не знал, что привело их в войско Белой России: то ли страх перед большевиками, то ли желание пограбить.

В первый полк влился персидский отряд, распевавший свои бодрые военные гимны под русским стягом. С ними генерал общался без переводчиков. В авангарде шла живописная туркестанская кавалерия – и их язык понимал один лишь генерал. Грузинские князья-гвардейцы и русские студенты были основой войска. Позади, в экипажах передвигалось несколько дам, пара журналистов, дюжина генералов, потерявших свои полки, и один-единственный представитель народа, по крайней мере по обстоятельствам рождения, – матрос Баткин⁶, выступавший с пламенными реча-

⁶ Федор Исаакович [Эфроим Ицкович] Баткин (1892—1923), участник Первой мировой и Гражданской войн, георгиевский кавалер, участник Белого движения; в 1920 г. эмигрировал в Турцию, где был завербован ВЧК. Вернулся в Россию

ми во всех встречных станицах: его ненавидели все генералы, за исключением Корнилова. А в самом конце эшелона, на разбитых телегах тащились жалкие штатские люди, над которыми насмехались даже женщины.

С пухлыми бледными лицами они свысока смотрели на всех остальных. Лишь немногие знали, что означал этот штатский багаж в корниловской армии. Но те, кто знал презрительно усмехались, т.к. эти пухлые и бледные, отнюдь не воинственные лица принадлежали членам правительства Кубанской республики, законному правительству, отовсюду изгнанному и в поисках пристанища прибывшему к Корнилову.

Армия из блестящих генералов, гвардейцев, китайцев, персов, министров повсюду сталкивалась с противником. Перед ней расстилалась степь, полная опасности. На горизонте непременно маячили красные враги. Не проходило ни дня без налетов. Каждый день был как завоевание. Без теплой одежды и продовольствия, четыре тысячи шли в степи по льду и снегу, ежедневно встречаясь с тысячью опасностей. В селах они встречали насупленных крестьян, зная, что все они стали большевиками.

– Пропустите нас, – заявлял Корнилов крестьянам. – С вами ничего не будет!

Редко ему давали согласие, и приходилось преодолевать сопротивление.

Армия Корнилова состояла преимущественно из офицеров, натерпевшихся от большевиков. Чуть ли не каждый побывал в тюрьмах Чека; у многих расстреляли жен и детей. И теперь они мстили крестьянам, степным большевикам. Когда какой-то большевицкий отряд попадал в руки Белой армии, то его бойцов приводили на сельскую площадь, затем выходили вперед офицеры, докладывали командиру и закалывали пленных штыками. Патронов было мало и их жалели.

Казнить допускалось не всем, а тем, кому довелось доказать, что потеряли жен, детей и имущество по вине большевиков. Таковым разрешалось все: они могли убить кого хотели, даже когда и не была доказана принадлежность к большевикам – просто из антипатии. В присутствии генералов и в тех случаях, когда в плен попадала молодежь, применялись и другие казни. С пленных приспускали штаны, и один казак наносил пятьдесят ударов кнутом. Дабы отправить человека на иной свет, часто хватало и этого. Во время экзекуций свободные от этого дела солдаты занимались разбоем. В самом конце вперед выходил генерал, ораторствовал, и отряд продолжал путь по льду и снегу, по морозной степи.

Однако эти скитавшиеся по степи люди не были шайкой авантюристов, грабителей и убийц. Такими они, конечно, казались большевикам. Четыре тысячи воинов были последними остатками прежней демократической и интеллектуальной России, защищаясь над бездной в донских и кубанских степях. Корнилову сочувствовали все, кто были про-

тив большевиков. Низкорослый генерал, похожий на монгола, воплощал русскую политическую мечту – Учредительное Собрание.

Беглые китайцы, персы, министры, разбойник по прозвищу Белый дьявол, аристократы-гвардейцы – всё это было неким гарниром. Идея Белой России, идея, двигавшая генерала по степи, была той самой старой либеральной идеей свободы мысли: теперь ее гарантами служили шпага Корнилова и дубинки, которыми колотили крестьян.

Навстречу Корнилову двигалось все большевицкое войско. В ней не хватало офицеров, только солдаты. У Корнилова не было солдат, только офицеры. Горстка этих опытных офицеров пыталась противостоять неопытной массе красноармейцев. Генералы и офицеры воевали как рядовые. На берегу реки Лаба можно было наблюдать зрелище, какого в Европе не видали уже столетиями. Когда белое войско стало уступать, главнокомандующий со своей личной охраной бросился в гущу боя. Рядом с ним бились генералы.

С боями армия вышла из донских степей на Кубань. Она прокладывала себе путь по замерзшим рекам, в боях с многочисленным врагом. Ее целью был Екатеринодар – столица Кубани. Вдалеке уже показались голубые вершины Кавказа. Вскоре начали таять лед и снег, а вместе с ними – и Белая армия.

К концу зимы за генералом шло только две тысячи офицеров: остальные либо погибли, либо дезертировали. Белая

Россия агонизировала и походила на смертельно больного человека. На помощь неожиданно пришли сами большевики, которые принялись грабить сельский Юг. Число крестьян, восторгавшихся загадочными Советами, резко упало. Там и сям в деревнях бунтовали, и большевики показали, что по крайней мере искусству усмирять мятеж они выучились у генералов.

У подножия Кавказа стали встречаться удаленные друг от друга черкесские аулы. Первым из них оказался Нешукай. Как обычно, Корнилов послал своего представителя для переговоров с местным населением ради беспрепятственного прохода. Гонцы, побыв в ауле, вернулись с известием о том, что он оставлен жителями. Лишь спустя несколько часов на холмах показались редкие люди. Придя к генералу, они заявили:

– Мы вольный черкесский народ. Большевики обещали дать нам все, что нужно. Мы им поверили. Но сейчас наши дома ограблены, наши женщины обещены. Там, где раньше жило триста человек, теперь не больше ста. Веди нас, генерал, мы хотим отомстить большевикам!

Аулы, один за другим, присоединились к армии. Мулла провозгласил джихад, взвился зеленый стяг Пророка. На площади перед мечетью генерал принял парад новой дивизии. Затем армия вышла на марш. Муэдзин с минарета пел молитвы о мести. Крестьяне с Восточного Кавказа пополнили поредевшие ряды войска. Впервые зеленый флаг Пророка

развивался рядом с царским. И этому невольно способствовали сами враги.

Армия продолжала марш. Снова пришли холода, а на горизонте показались вооруженные большевики. Снова Белую Россию окружила Красная армия. Войско приближалось к Екатеринославу, где должна была решиться его судьба. Силы красных собрались в этом городе, который обороняли пушки, привезенные с фронтов Первой мировой войны. Отряды черкесов, персов и гвардейцев, без боеприпасов, в потрепанных мундирах окружили город.

Корнилов сосредоточил вокруг города всех своих воинов. Штурм он возглавил сам. Долгий поход по ледяной пустыни и легендарная борьба с большевиками-насилъниками сделали Корнилова народным героем. Под его знамена стекались крестьяне и казаки. Атака на город началась на периферии. Все – казаки, черкесы, офицеры – знали, что захват Екатеринослава под водительством героического Корнилова станет началом освобождения России. Был необходим яростный штурм.

Сам Корнилов вел армию. На стороне большевиков, за пушками стояли боевые моряки – гордость революционной армии. Матросы, зоркие и опытные, могли умело вести прицельный огонь. Во время третьей атаки Главнокомандующий России, генерал Корнилов пал жертвой вражеского снаряда.

Весть о гибели генерала не разглашалась. Текинцы ночью

принесли его останки в полуразрушенную церковь. Первый попавшийся, страшно перепуганный священник совершил панихиду. В темной церквушке стояли генералы старой России и текинцы. Все плакали. Они знали, что с Корниловым погиб истинно народный герой, единственный популярный генерал старой империи.

Весть постепенно стала распространяться по армии, оказав свой печальный эффект. Усилилось кольцо окружения. Штурм прекратился, армия отступила, и вскоре ее сжало железное большевицкое кольцо. Обязанности командующего взял на себя генерал Деникин. Почти чудом он прорвался сквозь окружение, уведя остатки разбитой армии. Эвакуировать раненых не удалось, весь обоз с провиантом достался врагу.

Побежденную армию Деникин увел на тихий Дон, в Новочеркасск, в столицу вольных казаков. Они вернулись побежденными, но покрытыми славой. Немногие остались в живых после Ледового похода. Но и сегодня, рассеянные по всему миру, они носят серебряный знак в виде тернового венца, данный Деникиным каждому участнику похода.

С Ледовым походом закончился первый этап Белой России.

Глава III. Наемники и певцы

Славой большевиков были матросы-революционеры, а славой Белой России – казаки, знаменитая конница царской Империи. Европейцы их плохо представляли, зная лишь что, когда царское войско шло в бой, казаки скакали впереди: они с диким кличем нападали на врага и в большинстве случаев побеждали. В Европе полагали, что казаки – это лучшая царская кавалерия. Тут не знали ни самих казаков, как народ, ни их странную историю.

На больших реках Дон, Кубань, Терек, на плодородных равнинах Южной России, в Сибири и на Кавказе возникали селения вольных казаков, гордых и зажиточных. Их история весьма древняя.

Когда первые цари распространяли из Москвы свою власть, далеко не все им подчинились. Крестьяне, не желавшие идти в кабалу к боярам, мелкие дворяне, которым претила новая власть, воры и разбойники, попы-расстриги, в общем весь беспокойный люд не хотел знать о царе и жить в упорядоченном государстве. Один за другим, сотнями и тысячами, бежали храбрые молодцы на «Дикое поле», как называли тогда южные земли, еще не захваченные царями. Они организовывали шайки, выбирали себе атаманов и грабили все подряд. Не подчиняясь никаким законам, разбойники стали самым сильным народом. Их прозвали

«казаками», что на языке киргизов значит «степная птица»⁷. Россия боролась с ними, как с любимыми, ей противостоящими. Однако никто не мог подчинить себе этих диких анархистов. Численность казачьих орд все росла, как ширились и земли, от них дрожавшие.

На южной Украине, на берегах Днепра, казаки создали свою собственную разбойничью республику – Запорожскую Сечь, где принимали всех беглых от царя. Крепость республики стояла на острове Хортица. Беглецов принимали после простого обряда. Церемония полагала следующие верные ответы:

«Откуда идешь?»

Следовало ответить: «Не ведаю».

«В Бога веруешь?»

«Верую!»

«А в Святую Троицу?»

«И в нее».

«Перекрестись!» «желе

Беглец это делал. На этом церемония завершалась. Новичку подносили чарку водки и давали казачье имя. После этого он становился полноправным членом республики.

Организация этой старой республики, понятно, была весьма простой. Каждый год выбирали атамана, ответственного за водку и пару управителей; после каждого набега на-

⁷ «Казак» в тюркских языках означает вольного человека, бродягу, «перека-ти-поле».

грабленное поровну делилось между всеми, причем так, что атаман получал столько же, сколько и новичок.

Цари постепенно осознали, что эти воинственные дикари и разбойники могут быть полезны империи на ее южных землях. К казакам стали прибывать послы, обещавшие что, если казаки будут охранять царскую границу, то их права будут соблюдены.

Казаки согласились, но попросили точных указаний, чтобы в будущем не наносить ущерб царским землям. Тогда цари подарили отдельным казачьим войскам огромные территории, где обитали кочевники, дав казакам права на их завоевание при государственном покровительстве.

Таким образом, казаки стали контролировать всю южную Россию, Кавказ и часть Сибири, с проживающими на этих землях горцами и татарами. Эти народы, не христианские и воинственные, давно уже приносили беспокойство царям. Теперь ими занялись казаки, охочие до подвигов. Казаки железом и огнем покорили вверенные им народы, колонизировав их земли. Так сформировались казачьи войска Дона, Кубани и Терека.

Со временем забылись прежние трения между царем и казаками. Они бились с врагами, стерегли границы, постепенно завоевывая все новые края. И сам царь по-отечески опекал своих казаков, даруя им привилегии, которых в России не было ни у кого.

Жизнь этой вольной армии была необычна. В долинах До-

на, Кубани и Терека казаки устроили государство в государстве. В бескрайних южных степях ценность представлял не отдельный казак, а все войско. Войско делилось на полки, и каждый из них имел свои земли со станицами. Каждый взрослый казак получал от войска земельный участок и все, что необходимо для земледелия. Когда он умирал, его земля вновь переходила к войску. Казаки были кастой, бдительно оберегавшей свои права. Они брали жен преимущественно из своего круга; у них были свои странные обычаи и еще более странные понятия о долге и чести. Если казак, к примеру, одалживал деньги другому казаку, то делал это ночью и скрытно. Расписок не было, должник всего лишь отмечал мелом крестами на доске сумму долга. Если он не возвращал долг, то кредитор не преследовал его, а лишь грозил стереть кресты, что означало великий позор. Если и это не действовало, то кредитор действительно стирал губкой кресты и затем, уже отказываясь напрочь принимать деньги от должника, заказывал в церкви молебен с обличениями.

Ради своей воли и царских благ они истово выполняли свои обязанности. По сути дела это были солдаты, получившие дозволение на сельские работы. Казак с детства служил царю, и лишь в старости завершал эту службу. Приказывать казаку имел право лишь другой казак, и никто другой, тем более чужак. Поэтому они сами выбирали главных атаманов, и только в последние времена сам царь назначал командующего войском. Атаманов в селах, однако, они выбирали себе

сами. Так казаки жили веками, бились за царя, берегли свою волю, и в общем-то были самым реакционным элементом в России. Но в глубине их казачьей души жила наследственная нелюбовь к своим северным собратьям-москвитам: они чувствовали, что москаль – не их старший брат, а угнетатель.

Во время Мировой войны казаки снова выполнили свой долг, проливая кровь на полях сражений. Но когда пришла революция, царь отрекся от престола, а империя пала, древний дух степей проснулся у казаков. Они не желали больше иметь дело с Россией без царя, припомнив Москве все грехи. Созвав в своих городах старые войсковые круги, они решили сами править своей судьбой. Так в 1917 году зародились Донская и Кубанская республики, не хотевшие больше знать о России. Казаки, будучи дисциплинированными воинами, избрали своими атаманами самых почтенных генералов: на Дону – генерала Краснова, на Кубани – генерала Филимонова.

Независимость пришлась по душе казакам. На Дону ввели государственный герб с изображением голого, но вооруженного казака, сидящего на бочке водки. Кубанские казаки пошли еще дальше и отправили в Париж дипломатическую миссию, которая сообщила удивленным французам о вольном кубанском народе⁸. О России, о большевиках или о белогвардейцах освободившиеся казаки не хотели слышать.

⁸ Делегация Кубани на Парижской мирной конференции (1919—1920) поставила вопрос о принятии Кубанской народной республики в Лигу Наций.

Только когда большевики, походя, заняли казачьи земли, а зажиточным казакам пришлось пообщаться с Советами, казаки раскаялись.

Их войска соединились с белой гвардией, пойдя в бой бок-о-бок с белыми генералами. Но до самого конца гражданской войны казачьи государства считали себя вполне независимыми.

Области «славных казаков-христиан» стали оплотом белой борьбы.

И снова атаманы вели казаков на поля сражений, и снова звучали в степях боевые казачьи песни. Но с этого момента началась Голгофа казаков, их закат. Казаками, обильно проливавшими кровь на фронтах гражданской войны, руководили местные политиканы с дутой славой и старые генералы.

Они стали славой Белой России. Возникли, как черти из коробочки, их полководцы – Мамонтов, Шкуро и другие, являвшие беспримерную удаль. Со своим небольшим «волчьим отрядом» Шкуро захватил добрых пять городов, где перевешал всех большевиков, в то время как Мамонтов успешно громил в центре России целые полки. Гражданская война не знала милосердия: жестокость казаков ничуть не уступала их лихости.

На низкорослых длинногривых лошадях они носились по равнинам, сжигая дотла села, избивая и убивая, проливая и свою кровь. Они хотели спасти старую Святую Русь на свой манер. Но в этих битвах они устали. Враг становился все

грознее. Теперь казаки едва защищались: лучшие их силы погибли в мировой войне, оставшиеся растратились в гражданскую.

Неожиданно в тылу у изможденных казаков возник новый, сильный враг. Против них выступили веками притесняемые горцы. Настал час мести! Лавиной спускались с гор чеченцы, кабардинцы, ингуши. Мечь горцев страшна! Они грабили и жгли села казаков, а затем кавказский плуг так перепахивал землю, что ее бывшую принадлежность было и не узнать. Яростным кабардинцам достаточно было и одного дня, чтобы сравнять селение с землей.

Затем с севера пришли большевики, завершив дело кавказцев. Казаки храбро оборонялись. Незадолго до последней битвы они отослали вглубь края самых храбрых воинов. Таким образом они спасли от гибели лучших, тем самым, сохранив для будущего казачий род. Когда все рухнуло и когда большевики и кавказцы заняли их земли, эти казаки эмигрировали – вместе со своими правительствами, атаманами и генералами.

Первым этапом стал Константинополь. Затем они переместились через Балканы в Европу, и далее – в Азию и Африку. Европейские города приняли целые полки казаков. И за рубежом этот воинственный народ сплотился в полки. Пятнадцать казачьих полков, а точнее то, что от них уцелело, расположились в скромных парижских гостиницах – это были потомки тех самых казаков, которые в 1814 году победонос-

но разбивали свои шатры на Елисейских полях. Из Парижа стали переписываться со всей казачьей армией, рассеянной по миру. Здесь со своим штабом остановился атаман Всевеликого казачьего войска генерал Богаевский. Во всех крупных городах Европы, в Берлине, Праге, Софии и других, расквартировались остатки полков, состоявшие порой из нескольких людей. В некоем периферийном доме уютилась «станция». В ней жил «станичный атаман». Сами вольные казаки, рассыпавшись по городу, работали таксистами, официантами и разносчиками газет.

Они собирались пару раз в месяц, образуя войсковой круг. Так, старые казаки начинали рассказывать подрастающему поколению о тихих донских и кубанских селах, о былой славе казачьей армии, об обильно пролитой крови во время гражданской войны. Затем они пели печальные казачьи песни, вспоминали о старом военном искусстве и, получив приказы атаманов, возвращались к обыденности. Прошло десять лет с тех пор, как корабли с казаками причалили к берегам Босфора. С тех пор их армия спокойно живет за рубежом, прилежно трудится, исполняет команды атаманов и ждет дня, когда они, как встарь, снова, на своих низкорослых и длинногривых лошадях, атакуют большевиков и горцев.

Но миролюбиво ожидать не по душе казакам. Они привезли с собой за границу чудесные песни, свойственные им дисциплину, героизм и лаконичность. Отважные воины вос-

требованы в европейских странах, а также в Китае, Южной Америке – в иностранных легионах из них создавали превосходные отряды: как львы сражаются они в чужих армиях, проливая кровь за чужое дело. Сегодня они стали наемниками, воюя за хлеб и деньги. Но всякий раз, нанимаясь на чужую службу, они ставят условие, что прервут договор, когда по призыву атамана всех казачьих войск понадобится идти на бой в степях тихого Дона.

В странах, где сейчас мир, где не льется больше кровь, казаки покорили людей своими песнями, дикими и проникновенными. В СССР, на Дону, Кубани и Тереке строевых казаков больше не осталось. Певцы и наемники рассеяны по белу свету. На родине их род выкорчеван.

Глава IV. Его сиятельство гетман, бухгалтер Петлюра и батька Махно

На юго-западе России, на берегах великой реки Дон раскинулась обширная и богатая равнина. Некогда на этих берегах обосновались северные витязи, которые вели торговлю и воевали с соседями. Они заложили города, возвели крепости, монастыри и вскоре усвоили язык своих подданных. Затем сюда пришли степные народы, разрушили стольный град Киев, надругавшись над дочерью защитников. Татар, в свою очередь, потеснили Литва и казаки, крепко засевшие на донских берегах. В веках этот край познал разных владык – польских королей, монгольских ханов, казачьих атаманов.

В центре страны возник заново старинный град Киев. Месторасположение властей, мечта паломников. Затем пришли царские войска, прогнали атамана и заняли страну, объявив ее и ее обитателей собственностью России. Земля называлась Украиной, и русской становиться не желала. Когда, наконец, царская империя развалилась, Украина первой отделилась от России. Учредились парламент и национальная армия, которая быстро прогнала местных большевиков. Таким образом Украина начала жить по принципам современной демократии.

С севера, с ненавидимых городов Московии пошел поток беженцев. Украинцы встретили их как чужаков, как северо-славянский сброд. Беженцев все-таки пускали, но игнорируя тут демократические принципы, с ними обращались откровенно грубо. Среди сбежавших на демократическую Украину, был уже не молодой гвардейский офицер – Павел Скоропадский, который в Киеве сменил нордическое Павел на мягкое украинское Павло. Он на это имел и право, будучи потомком последнего атамана. Но это обстоятельство только теперь стало нужным достоянием политического мира и всплыло из семейного архива.

Последний потомок последнего гетмана стал для украинских националистов желаннейшим гостем. Павло Скоропадский, кроме того, был генералом, и у него были хорошие отношения с командованием других стран. Эти отношения играли большую роль для украинской нации, которая более страшилась большевицкой оккупации. Скоропадский недолго прожил в Киеве частным образом как помещик. Украинские демократы, под прессом приближавшихся большевиков, решили отказаться от демократии в пользу освященного веками гетманского правления. Парламент не воспротивился, и Павло Скоропадского избрали гетманом всея Украины.

После этого акта немецкая армия согласилась защищать границы Украины от большевиков, а его сиятельство гетман без помех посвятил себя политике. Программа его была проста и заключалась в одной фразе: «В столице – покой, в де-

ревню – карательные экспедиции». Исполнение задачи поручили «сельджукам»⁹ гетмана, его гвардии. Жизнь правителя Украины вошла в нормальную колею: он сидел в своем киевском дворце, управлял страной и с усердием учил украинский язык. Немецкие гарнизоны защищали рубежи, а сельджуки колотили крестьян.

Но фортуна гетмана длилась недолго. Однажды украинские крестьяне противопоставили программе гетмана свою программу, тоже незатейливую.

В ней говорилось: «Евреев надо уничтожить, а также русских и помещиков. Каждый украинец за счет государства обретет тысячу сажень земли и водку». Программу назвали социалистической.

Вождями вновь созданного движения стали бухгалтер Петлюра, журналист Винниченко и недавно отпущенные на свободу бандиты. Вокруг них собралась армия, незамедлительно отправившаяся на Киев. Немецкие отряды отступились от украинского престола, и гетману, кроме своей живописной гвардии, на поле сражения пришлось послать студентов, гимназистов и офицеров-беженцев. Они, вырыв примитивные окопы, встали на защиту столицы. У крестьян, находящихся по другую сторону окопов, в тот момент была одна-единственная проблема: они искали по всей Украине белого коня, потому что бухгалтер Петлюра не мог войти в город на коне другой масти.

⁹ В действительности – гайдамаки.

В это время удрученный Скоропадский сидел в гетманском дворце, слушал фронтовые сводки от преданных ему гимназистов и готовился к бегству.

Позднее о его бегстве появилось множество легенд. Рассказывали, что он лег в один удобный гроб, в другие уложил свою семью и государственную казну, повелел надписать на них: «Павшие офицеры немецкого генштаба». Проехав таким необычным образом через весь Киев, он достиг вокзала. Но мы не знаем, каким был побег гетмана в действительности. Впрочем, люди из его окружения заявляли, что перебинтованного Скоропадского, в сопровождении немецкого офицера, доставили на санитарный поезд, который и привез его в Берлин.

Студенты военных училищ, защищавшие его трон, погибли на подступах к городу, а Петлюра въехал-таки в Киев на белом коне. Последовал страшный погром евреев, за ним – грабежи, а потом манифест освобожденному украинскому народу. Директория – такое название выбрало себе правительство Петлюры, начала свою плодотворную деятельность.

В первую очередь учредили правила для языка, названного украинским. Тех, кто не хотел изъясняться на нем, казнили. Затем, опечатав в огромном количестве новые ассигнации, их раздали войску. Особо отличившиеся бандиты получили хорошие государственные места. Русские надписи запретили по всему Киеву. Этот указ способствовал появле-

нию множества художников.

Бухгалтер Петлюра, слезший со своего белого коня, с гордостью вошел во дворец. Он изъяснялся на изобретенном им самим языке позапрошлого века. Газеты, школы, почта и все остальные государственные учреждения должны были пользоваться этим языком. Законы новой республики принимались только после длительных филологических рассуждений, ибо министры не могли найти консенсус относительно правильного украинского. Но и Петлюра не смог воплотить в жизнь политическую программу своего движения: «Тысяча сажен земли и водку каждому украинцу за счет государства». А уничтожение русских и евреев не обеспечило новому правительству верность украинской деревни.

Тем временем с севера наступали большевики, а с юга – Добровольческая армия генерала Деникина. В самой стране росли новые отряды разбойников и авантюристов со сказочно-радикальными программами. В скором времени и самому Петлюре пришлось покинуть Киев. Городу пришлось в четырнадцатый раз менять тирана. В поезде-люкс, составленном из вагонов для скота, Директория объехала всю Украину. Она непременно хотела сохранить власть.

«В вагоне Директория, под вагоном территория»¹⁰, – заявлял Петлюра, читая свои все новые манифесты горстке слушателей. В тот период, по меньшей мере с десятков разных правительств появилось в разных уголках Украины, го-

¹⁰ Язвительная анти-петлюровская прибаутка.

ворили одно и то же. Указы этих правительств были все радикальнее, а банды, воплощавшие их в жизнь на свой манер, были все хищнее. Это продолжалось до тех пор, пока однажды задул ветер в паруса самого радикального и самого разнузданного правительства. Это были не большевики: правительство называло себя «Повстанческой армией Махно». Оно стало первой успешной попыткой установления анархистского правления в мировой истории. В его главе стоял украинский крестьянин-анархист, уроженец села Гуляй-Поле, «батяка» Нестор Махно.

В девятнадцать лет Махно за участие в террористических актах оказался в царских темницах в Одессе, откуда его препроводили в Сибирь и, наконец, в одну московскую тюрьму, где его держали в кандалах за непокорный характер. Бандит-анархист провел десять лет в царских тюрьмах, пока не подоспела революция. С первым же поездом Махно вернулся в родное село, где принялся жарко пропагандировать анархизм. Жители Гуляй-Поля были в восторге от его учения. Прежде им не доводилось слышать, что может быть и такая форма правления, когда можно делать, все что угодно. Крестьяне из соседних деревень также пришли к мнению, что Махно – единственный достойный выразитель их чаяний. Так возникло ядро армии Махно, который обратился с призывом ко всем анархистам России, призывая объединиться в общей борьбе. Из Москвы и Петербурга, из областей, где командовал Деникин, к нему стекались люди. Пат-

латые, с бомбами и теоретическими трактатами, с теплыми воспоминаниями о боях, грабежах, терактах, они собрались под водительством Махно воплотить свои идеалы.

Махно стал кумиром Украины. Он объявил войну любой власти – большевикам, белогвардейцам, петлюровцам. Его целью было построить первое на земле государство без властей. Для осуществления этой цели убивали тех, кто поддерживал какую-либо власть, и тех, кто еще имел что-то не отобранное. Вскоре пол-Украины перешла в его руки – тысячи клялись его именем.

Но так как Махно был не только бандитом, но и теоретиком, он выпускал газету, где советовал всем жить свободно, в согласии с собственными желаниями и с соседями. В его стране не существовало налогов: на нужды аппарата шли военные трофеи. На выпускаемых им деньгах стояло: «Подделки и фальсификации не преследуются». Его газета находила широкий отклик. Например, родителям предлагали: «Советуем отправлять детей учиться». Или же советовали: «Лучше не убивать евреев, это не соответствует принципам анархизма». Согласно основным принципам анархизма никто никому ничего не приказывал.

Для большевиков и белых, словом, для всех жителей России, которые не разделяли анархизм, Махно был страшным врагом. С ордой преданных ему бандитов он колесил по стране, грабил и убивал, а затем возвращался в Гуляй-Поле и делился трофеями со своими сторонниками.

На Украине Махно господствовал три года как бич божий, крестьяне же фанатично почитали его. После победоносных походов он задавал пиры в своей ставке. В эти моменты идеалами анархизма воодушевлялись даже остававшиеся дома крестьяне. Батка Махно разливал водку рекою, пел, плясал, а в конце доставал из карманов золотые деньги и швырял их в толпу. Иногда вешали какого-нибудь пойманного еврея, или же сторонника твердой власти. Затем праздник продолжался.

Белая армия не была страшна батке Махно. Наоборот, именно махновские отряды громили белых, приустроив их поражение. Конец первого государства без властей наступил, когда на Украину пришли большевики. После очередного кровавого боя он закатил шикарный пир, а затем покинул свою ставку с группой бандитов и идеалистов и эмигрировал в Румынию. Здесь он осознал, что для создания нового анархистского государства подходящие условия еще не сложились. Когда же государственная казна, увезенная в эмиграцию, опустела, Махно, дабы ее снова пополнить, прибег к добрым русско-анархистским способам. Но успеха он не достиг. Сегодня Махно сидит как обычный заключенный в одной из польских тюрем¹¹.

Скоропадский, Петлюра, Махно – все они бежали, а с ни-

¹¹ В варшавской тюрьме Махно содержали в 1923 г., но на суде его оправдали, сослав на поселение в г. Торунь. В 1925 г. он через Германию уезжает в Париж, где умер в 1934 г. в 45-летнем возрасте.

ми и их свита и войска, их поэты и казначеи. Эмигрировали все десять украинских правительств. Все, что было на тогдашней Украине, гротескная и трагическая смесь героизма, обманов, грабежей и убийств стало обыденностью и для всей остальной России. Повсюду, на севере, в Сибири, на Кавказе, в Туркестане и в Крыму росли как грибы правительства, провозглашались идеалы, ради которых сражались и страдали, во имя которых действовали преступные герои и преступники, похожие на героев. Пример Украины распространился по всей стране. Но везде в итоге большевики разбивали эти правительства и их сторонников, гоня их прочь. Они бежали к пограничным странам, увозя с собой если не казну, то надежду на возвращение на родину – завтра, самое позднее через год, приведя к победе государство без властей, гетманство или социализм на белом коне.

Так началась эмиграция.

Глава V. Белое действие

Ядром Белой России стала добровольческая армия генерала Деникина, собранная из остатков армии Корнилова. После кардинального изменения настроения у казаков армия ежедневно росла. Генерал Корнилов пал не зря. Отовсюду к Деникину вливались новые силы. Нашлось с десятков генералов, готовых поддержать белое, как оно было названо, движение. Молодежь со всех концов России вступала в армию. Амальгама любителей приключений быстро переросла в важные, строго организованные военные части. Даже многие крестьяне, подвергшиеся экспериментам большевиков в их деревнях, присоединялись к добровольцам. Решающим стимулом стало заявление Антанты о поддержке Белой России оружием, деньгами и солдатами. Один за другим освобождались русские города на Юге, куда при ликованиях горожан вступала Белая армия. Везде гремел лозунг: «Во имя единой и неделимой России!» Победоносный поход армии сопровождали английские танки; французские консервы и американское оружие должны были приблизить ее победу. На фронтах под началом своих классовых руководителей воевали пятнадцатилетние гимназисты, студенты всех факультетов, но также и анти-большевитски настроенные революционеры и крестьяне. Высшей целью белого движения стало освобождение Москвы и созыв Учредительного собра-

ния. Этой идеей были охвачены представители разных слоев населения.

На фронте с одной стороны сражались литовские и китайские большевики, по другую – молодая русская интеллигенция. Никогда в России столько не пили, не грабили, ни жульничали, не произносили стольких речей, как в те три года неразберихи. Добровольцы продолжали наступать на север. Теперь в кольцо загнали большевиков, как в свое время – Корнилова. С севера на Петербург шел генерал Юденич; на востоке, по всей Сибири, командовал Колчак. Из Польши продвигалось войско Бориса Савинкова. Остатки царских полков вышли из Ирана и Франции; на Крайнем Севере, в Архангельске, высадился английский десант.

По эту сторону фронта никто не сомневался в полной победе белых. Возникшие по ходу революции призрачные, гротескные республики, независимые области и города с их министрами-негодьями, одна за другой переходили в руки белых. Однако теперь возник важный вопрос, вызывавший волнения: кто из генералов въедет в Москву под колокольный звон? От этого много зависело – например, власть в Учредительном собрании и бессмертие в истории.

Белые наступали. Даже на Кубани, в колыбели белого движения, Деникин получил удовлетворение, повесив одного из слишком радикальных министров. Казаки генерала Мамонтова были на пути к московским вратам. Город Орел перешел к белым. Большевики и сами решили, что им пришел

конец.

Вскоре случилась блистательная победа: барон Врангель занял Царицыно – большевицкую цитадель. Никто больше не верил в силы большевиков.

Генерал Деникин, при сомнениях военных специалистов, но под аплодисменты буржуазии отдал приказ: «На Москву!» Говорили, что генерал Юденич разослал своим офицерам свежееотпечатанные приглашения на банкет в петербургском Зимнем дворце.

Британский король наградил орденами полководцев Белой армии. Фабриканты возвращались на прежде отобранные фабрики. В городах шли погромы. Тучный генерал Май-Маевский на торжественной встрече в Харькове выставлял вино ликующей толпе. Конница Мамонтова транжирила награбленное. Генерал Слащев заявлял на митингах, что «перевешает всех мировых каналов». Генерал Шкуро воплощал этот лозунг в жизнь. Пиршествовали, играли в карты, хватали трофеи. Англичане и французы раздали остатки своего провианта благодарному населению, уже поделив освобождаемую Россию на зоны влияний. Молодежь взяла в руки заржавевшие было ружья. Белые сражались и побеждали, воодушевленные одной идеей: «На Москву, на Москву!»

Все рухнуло вмиг. Белые и сейчас обсуждают причину своего поражения, но правды никто не знает. Может, крах случился из-за замены главнокомандующего у красных? Или из-за неожиданной поддержки Москвы со стороны отпущен-

ной Финляндии и Эстонии, изменчивых англичан? Ошибки стратегии, или нехватка оружия? Все это принималось в расчет, но не объясняло краха в достаточной степени. Главной же причиной было то, что Белая Россия противопоставила ясной и понятной политике большевиков лишь один только лозунг «Долой большевиков!» Белая Россия была ни монархической, ни демократической, ни фашистской, ни социалистической, и быть может, будучи началом неопределенного развития или же возвращения к прежней России, она внушала крестьянам крайнее недоверие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.